

УДК 343.8
ББК 67.408.017

М.В. Архипова
Е.А. Редькина

ОТРАЖЕНИЕ НОРМ ИНСТИТУТА СОУЧАСТИЯ В СТАТЬЯХ ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Статья посвящена достаточно сложному и теоретически запутанному вопросу – имплементации норм института соучастия в статьях Особенной части уголовного законодательства России. Рассматриваются вопросы обоснованности и эффективности действия ст. 208, 209, 210 УК РФ, исследуются вопросы понятийного аппарата уголовного права. На основе проведенного дефинитивного анализа предлагаются авторские варианты совершенствования уголовного законодательства, приведения в соответствие норм его Общей и Особенной части.

Ключевые слова: банда, незаконное вооруженное формирование, организованная группа, преступная группа, преступное сообщество, соучастие.

M.V. Arkhipova
Ye. A. Redkina

REFLECTION OF ACCOMPLICESHIP INSTITUTE'S NORMS IN THE ARTICLES OF THE SPECIAL PART OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

The paper is devoted to a rather complex and theoretically complicated issue – that of implementation of the accompliceship institute's norms in the articles of the Special Part of Russian criminal legislation. It considers the issues of validity and effectiveness of Articles 208, 209, 210 of the Criminal Code of the Russian Federation and analyses the set of concepts used in criminal law. The analysis of definitions is used as a basis for the authors' ideas for improving criminal legislation and harmonizing its General and Special Parts.

Key words: gang, illegal armed group, organized group, criminal group, criminal community, accompliceship.

Уголовное законодательство Российской Федерации построено на пандектной основе, что предполагает его деление на Общую и Особенную части. Общая часть содержит общие по отношению к Особенной части нормы, устанавливающие основные, фундаментальные понятия уголовного права, сквозь призму которых происходит правоприменение конкретных статей УК РФ, устанавливающих уголовную ответственность за то или иное деяние¹. Аксиоматичным является положение о том, что нормы Особенной части должны быть согласованы с понятийным аппаратом Общей части УК РФ, зеркально отражая его, подлежать единообразному толкованию и тем более в них не должно содер-

жаться новых, неизвестных Общей части УК РФ, квалификационных понятий.

К сожалению, российское уголовное законодательство этому принципу не соответствует. Конечно, нельзя сказать, что понятийный аппарат Общей части не находит своего отражения в нормах Особенной части УК РФ, но и нельзя утверждать, что Особенная часть уголовного законодательства полностью построена на дефинитивной основе Общей части УК. Особенная часть УК РФ содержит в себе понятия, неизвестные Общей части, что естественным образом влияет на правильность квалификации преступлений, избрание вида и меры уголовного наказания, а соответственно – и на эффективность применения уголовно-правовых норм².

¹ Конечно, в Особенной части УК РФ раскрываются определенные дефиниции, но они относятся к понятию деяния и в этом смысле являются более частными понятиями (например, «убийство», «изнасилование», «крупный размер» и т. п.).

² Все это в совокупности влияет на состояние и структуру преступности, такое ее свойство, как латентность, формирование определенных взглядов и установок личности.

Одним из наиболее сложных в правоприменении и теоретически запутанных институтов Общей части уголовного права является институт соучастия³, свидетельством чему являются как научные дискуссии, так и довольно частые ошибки правоприменения, связанные с квалификацией преступлений, совершенных в соучастии.

Так, ст. 35 УК РФ содержит перечень форм соучастия, являющийся закрытым: группа лиц, группа лиц по предварительному сговору, организованная группа и преступное сообщество (преступная организация). Положения ст. 35 УК РФ имплементированы в нормы Особенной части уголовного законодательства, устанавливающие повышенную ответственность за преступления, совершенные в соучастии (квалифицированные и особо квалифицированные составы преступлений).

Однако в Особенной части в ряде статей, а также в качестве особо квалифицирующего признака, законодатель вводит понятия, неизвестные институту соучастия. В частности, речь идет о таких понятиях, как «преступная группа» (ч. 4 ст. 150 УК РФ), «вооруженное формирование» (ст. 208 УК РФ) и «банда» (ст. 209 УК РФ). Причем если два последних понятия в той или иной степени раскрыты в соответствующих статьях Особенной части УК РФ, то понятие «преступная группа» в какой-то степени является законодательной лакуной. В этой связи возникает вопрос о месте данных понятий в институте соучастия, а также о их соотношении.

Преступное сообщество (преступная организация) как самостоятельная форма соучастия нашла свое отражение в ст. 210 УК РФ. Однако преступное сообщество (преступная организация) отличается от других видов преступной группы, перечисленных в ст. 35 УК РФ, прежде всего тем, что ни в одной статье Особенной части УК РФ оно не названо квалифицирующим либо особо квалифицирующим признаком. В соответствии с законом оно может рассматриваться как конструктивный признак основного состава преступления (ст. 210 УК РФ) либо как об-

стоятельство, отягчающее наказание (п. «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ)⁴.

По мнению Р.Р. Галиакбарова, при конструировании отдельных составов Особенной части УК РФ законодатель использует термины «объединение», «сообщество», «организация», «формирование» не как проявление соучастия в преступлении, а в иных качествах⁵.

Базовым понятием по отношению ко всем преступным объединениям, ответственность за организацию которых и участие в них предусмотрена в Особенной части УК РФ, выступает понятие организованной группы, сформулированное в ст. 35 УК РФ. Таким образом, правомерно говорить не о каких-либо новых самостоятельных формах соучастия, а о «традиционной» организованной группе с наличием дополнительных признаков, выбранных законодателем в качестве существенных для конструирования данных составов⁶.

Именно организованная группа выступает, как правило, формой соучастия в преступлении, совершенном в составе такого объединения. Поэтому совместно совершенные членами преступного сообщества (преступной организации) преступления в соответствии с законом должны квалифицироваться как совершенные организованной группой (при наличии такого квалифицирующего признака в соответствующей статье УК РФ)⁷.

Анализ судебно-следственной практики показывает, что самостоятельное применение ст. 210 УК РФ вызывает серьезные трудности, так как преступное сообщество (преступная организация) не может быть признано преступным, если не доказано совершение его участниками хотя бы одного преступления, относимого законом к категории тяжких либо особо тяжких.

Одним из признаков преступного сообщества (преступной организации), выделяемых законодателем, является сплоченность.

По мнению многих ученых, сплоченность как высшая степень организованности

⁴ См.: *Балеев С.* О понятии преступного сообщества (преступной организации) // Уголовное право. 2007. № 3. С. 16.

⁵ *Галиакбаров Р.Р.* Борьба с групповыми преступлениями: вопросы квалификации. Краснодар, 2000. С. 47.

⁶ См.: *Кочетко И.В.* Уголовный закон и организованная преступность: декларация борьбы или реальное противодействие // Криминологические и уголовно-правовые проблемы борьбы с организованной преступностью. Ярославль, 2004. С. 76.

⁷ *Балеев С.* Указ. соч. С. 17.

³ См.: *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право: лекции. Часть Общая. Т. 1. М., 1994.

присуща как преступному сообществу, так и организованной группе. Более того, «вновь созданное преступное сообщество, участники которого еще не совершили других преступлений, может быть менее сплоченным, чем организованная группа, участники которой совершили серию преступлений и объединены потенциальной угрозой разоблачения»⁸.

Второй разновидностью преступного сообщества законодатель называет объединение организованных групп. На наш взгляд, именно этот количественный признак помогает отграничить преступное сообщество от организованной группы. По этому пути идет и судебная практика⁹.

И последним признаком преступного сообщества, выделяемым законодателем, является совершение тяжких и особо тяжких преступлений. Д.М. Миненок полагает, что данный признак присущ не только преступному сообществу, но и организованной группе¹⁰.

Целью создания преступного сообщества, по мнению С. Балеева, является организованная преступная деятельность, в процессе которой совершаются криминальные деяния любой степени общественной опасности¹¹.

Как уже говорилось выше, понятия «вооруженное формирование» и «банда» содержат в себе дефинитивные признаки. Так, под бандой понимается устойчивая вооруженная группа из двух и более лиц, заранее объединившаяся для совершения нападений на граждан и организации. Кроме того, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ разъяснено, что хотя бы один участник банды должен иметь оружие, о чем должны быть осведомлены другие участники банды¹².

Соответственно, если рассматривать понятие банды применительно к институту соучастия, то следует отметить, что бандой по смыслу ст. 209 УК РФ может быть организованная группа (с той поправкой, что

она должна быть вооружена). В общем под признаки банды подпадает и преступное сообщество, однако в Особенной части УК РФ содержится ст. 210, устанавливающая ответственность за организацию преступного сообщества (преступной организации), поэтому, по всей видимости, бандитизм не охватывает указанную форму соучастия. Следует вывод, что бандитизм можно приравнять к такой форме соучастия, как организованная группа, точнее говоря, – к определенному виду организованной группы, т. е. банда – частное проявление организованной группы, ее вид¹³. Тогда возникает вопрос о целесообразности автономности ст. 209 УК РФ, если она охватывается формой соучастия и в таком виде присутствует в большинстве особо квалифицированных составов Особенной части УК РФ.

По мысли законодателя, совершение преступления бандой влечет квалификацию по совокупности со ст. 209 УК РФ. Однако квалифицирующий признак совершения преступления организованной группой присутствует в большинстве особо квалифицированных составов преступления. Соответственно возникают вопросы о квалификации преступлений (предположим, если организованной группой был совершен разбой с применением оружия, то как следует квалифицировать данное деяние – по ч. 2 и ч. 4 ст. 162 УК РФ или же по ч. 1 ст. 162 и ст. 209 УК РФ, т. е. возникает вопрос: кто совершил нападение – организованная группа или банда). Думается, что введение состава опасности (ст. 209 УК РФ) является излишним, так как это – форма соучастия, закрепленная в ст. 35 УК РФ и присутствующая в квалифицированных составах преступлений¹⁴. Конечно, данная позиция не является однозначной, так как ст. 209 и 210 УК РФ предусматривают ответственность именно за создание данных групп, а не за их деятельность. Но в этом случае становится не до конца понятным, почему законодатель предусмотрел повышенную ответственность

⁸ Водько Н.П. Уголовно-правовая борьба с организованной преступностью. М., 2000. С. 21.

⁹ Балеев С. Указ. соч. С. 18.

¹⁰ Миненок Д.М. Формы соучастия в новом Уголовном кодексе России // Актуальные вопросы уголовного права, процесса и криминалистики. Калининград, 1998. С. 13.

¹¹ Балеев С. Указ. соч. С. 18.

¹² О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 января 1997 г. № 1 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1997. № 3.

¹³ По всей видимости, организованная группа может быть разделена на два подвида: невооруженная и вооруженная (банда).

¹⁴ По этим же соображениям представляется нецелесообразным и выделение ст. 210 УК РФ; более логичным было бы введение квалифицирующего признака «совершенного преступным сообществом (преступной организацией)» в отдельные составы преступлений.

только за эти две формы соучастия, проигнорировав создание группы лиц по предварительному сговору.

Вооруженное формирование представляет собой объединение, отряд, дружину или иную группу, не предусмотренную федеральным законодательством. В актах судебного толкования данное понятие не нашло отражения. Между тем, как представляется, существует необходимость в его определении.

Разработка понятия вооруженного формирования представляется целесообразным в силу того, что его доктринальное толкование неоднозначно, а иногда – и взаимоисключающе. Необходимо отметить, что раскрытие данной дефиниции осуществляется, как правило, через признаки, указанные в ст. 208 УК РФ. Подробно не вдаваясь в научную дискуссию относительно того, что именно представляет собой незаконное вооруженное формирование¹⁵, отметим лишь, что законодатель указывает на три его конститутивных признака, а именно: незаконность, вооруженность и групповой характер. И в этом смысле ст. 208 УК РФ в общих чертах дублирует формы соучастия.

Конечно, определенные отличия от, например, преступного сообщества здесь имеются, так как в ст. 208 УК РФ не идет речь о цели деятельности таких формирований. Кроме того, отдельные ученые проводят отграничение и по самой форме организации (вооруженное формирование представляет собой организацию, схожую с военной). Однако представляется, что этот признак не является демаркационным, так как и в организованной группе, и в преступной организации вполне возможна военная дисциплина и способность и подготовленность состоящих в ней лиц к ведению боевых действий.

Разграничение незаконного вооруженного формирования и бандитизма некоторые ученые видят в целях их деятельности. Так,

¹⁵ Более подробно см.: Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть. М., 2000. С. 133; Уголовное право России. Части Общая и Особенная / под ред. А.И. Рарога. М., 2003. С. 503; Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть / под ред. Б.В. Здравомыслова. М., 2000. С. 257; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В.М. Лебедев. М., 2004. С. 518; Сальникова Н.И. Незаконное вооруженное формирование не является разновидностью преступного сообщества // Рос. следователь. 2005. № 3 и др.

В.М. Лебедев полагает, что если вооруженная группа создается с целью нападения на граждан и организации, то она, безусловно, является бандой и действия по ее организации подлежат квалификации по ст. 209 УК РФ; все иные цели деятельности (идеологические, политические, сепаратистские и пр.) охватываются составом ст. 208 УК РФ¹⁶. Думается, это не совсем верно.

Наиболее ярким примером незаконного вооруженного формирования являются так называемые «бандформирования», до сих пор действующие в Чечне. Цель создания таких групп обусловлена антиконституционными действиями¹⁷ по выделению Чеченской Республики из состава Российской Федерации. Соответственно, цель их создания – сепаратистское движение, однако сама деятельность указанных групп, особенно в последнее время, связана с нападением на граждан и организации. Соответственно, если придерживаться тезиса о том, что цель опосредуется средствами ее (цели) реализации, то получается, что незаконные вооруженные формирования, действующие в данном регионе, по сути своей – проявление бандитизма. Цель в качестве разграничительного признака существует, как представляется, чисто теоретически. Договор о создании организации, целью которой будет нападение на граждан и организации, вполне может подразумевать как незаконное вооруженное формирование, так и банду. Целеполагание в данном случае не представляется достаточным основанием для разделения этих двух форм соучастия, делая их аморфными и способными к взаимной трансформации. Действительно, если организация изначально создавалась с целью нападения на граждан и организации, но в процессе своей деятельности эта цель не была реализована, то можно вести речь о незаконном вооруженном формировании. Если же изначально организация создавалась не в целях нападения на граждан и организации, а в процессе деятельности эта цель появилась и, более того, была реализована, то налицо проявление бандитизма.

¹⁶ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В.М. Лебедев. С. 518.

¹⁷ Антиконтитуционными в том лишь смысле, что Конституция Российской Федерации не предусматривает права сепарации, т. е. свободного выхода из федерации.

Вопрос здесь заключается и в другом – незаконное вооруженное формирование всегда представляет собой группу и в этом смысле может рассматриваться как форма соучастия. При буквальном толковании уголовного закона незаконным вооруженным формированием может быть группа лиц по предварительному сговору¹⁸. Отсутствие указания на такие свойства, как сплоченность и устойчивость, исключает возможность трактовки незаконного вооруженного формирования как организованной группы или преступного сообщества. Кроме того, некоторые авторы указывают еще и на такой признак, как устойчивость и сплоченность членов незаконного вооруженного формирования.

Однако устойчивость и сплоченность – признаки, используемые законодателем для характеристики таких форм соучастия, как организованная группа и преступное сообщество (преступная организация). Совмещать их в характеристике незаконного вооруженного формирования представляется не совсем удачным, так как, по сути, законодатель именно по этим признакам проводит отличие организованной группы и преступного сообщества. Если определять незаконное вооруженное формирование как сплоченную и устойчивую группу, то она будет являться конгломератом с признаками как организованной группы, так и преступного сообщества (преступной организации), а соответственно – выступать их родовым понятием.

С другой стороны, если перевести рассуждения из теоретической плоскости в правоприменительную, то на вопрос о возможности создания подобного формирования, участники которого не были бы, по крайней мере, сплочены, следует дать отрицательный ответ. Достаточно трудно представить вооруженное формирование, которое не было бы организовано, в том числе и иерархично, а его участники не были бы, по крайней мере, сплочены. Думается, что теоретически такое, конечно, возможно, но на практике подобные формирования практически не встречаются. Даже если принять за аксиому, что незаконное вооруженное формирование

может как быть сплоченным, так и не являться таковым, то возникает вопрос о целесообразности существования ст. 208 УК РФ. Если говорить о том, что подобное формирование не обладает признаком сплоченности и (или) даже устойчивости, то из этого следует вывод, что, по сути, законодатель под незаконным вооруженным формированием понимает такую форму соучастия, как группа лиц по предварительному сговору (с оговоркой о ее вооруженности). Если же установлен признак сплоченности или устойчивости, то сущность формирования можно трактовать как организованную группу или преступное сообщество. Это подразумевает, что законодатель представляет, в частности, бандитизм, более узким понятием, разновидностью незаконного вооруженного формирования.

Проще говоря, незаконное вооруженное формирование включает в себя все формы соучастия (за исключением группы лиц) с атрибутивным признаком вооруженности. При возможности даже экспериментального толкования указанного понятия в данном ключе возникают проблемы с квалификацией преступлений. В связи с вышеизложенным представляется, что состав незаконного вооруженного формирования криминологически не обоснованно включен в нормы Особенной части УК РФ. Статья 208 УК РФ представляет собой все формы соучастия (за исключением группы лиц)¹⁹, что схематично можно представить следующим образом (рис. 1):

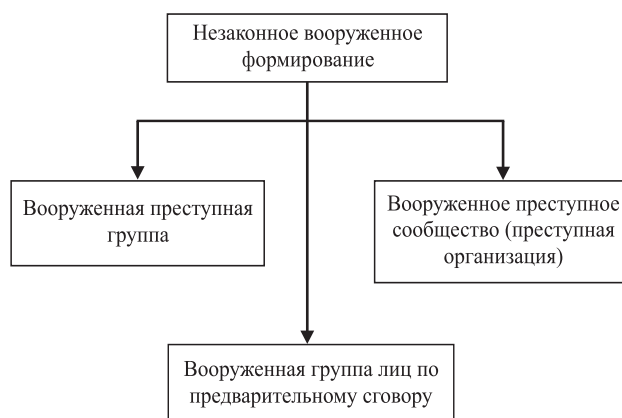

Рис. 1. Состав незаконного вооруженного формирования

¹⁸ Так как в ст. 208 УК РФ не идет речь о таких признаках, как сплоченность, устойчивость, нацеленность на совершение определенных категорий преступлений и т. п.

¹⁹ При наличии у группы лиц по предварительному сговору, организованной группы или преступного сообщества оружия.

Установление повышенной ответственности за вооруженность соучастников представляется излишней и, думается, вполне может охватываться квалифицированными и особоквалифицированными составами соответствующих статей Особенной части УК РФ. В этой связи функционирование ст. 208 УК РФ (впрочем, как и ст. 209 и 210 УК РФ) нецелесообразно и было бы логичным их исключение из структуры Особенной части УК РФ.

Возражением на вышеуказанную позицию может служить утверждение о том, что ст. 208–210 УК РФ устанавливают ответственность за создание подобных форм соучастия, а не за их деятельность, а потому все деяния должны квалифицироваться по совокупности, что достаточно логично и оправдано с точки зрения уголовной политики государства. Но в таком случае необходимо приводить в соответствие терминологию Особенной части уголовного законодательства с теми дефинициями, которые присутствуют в Общей части УК РФ.

Таким образом, возможным представляется два решения, которые, на первый взгляд, полярны, но, тем не менее, представляют собой две возможности реформирования уголовного законодательства в транскрипции его упорядочивания и социальной обусловленности:

- исключение ст. 208–210 УК РФ из Особенной части УК РФ с одновременным введением в особоквалифицированные составы преступлений признака «совершение преступления преступным сообществом (преступной организацией)»;
- изменение формулировок указанных статей с целью приведения их в соответствие с понятийным аппаратом Общей части УК РФ.

Как уже отмечалось, в Особенной части Уголовного кодекса существует понятие, не указанное в Общей части и относящееся к институту соучастия. Речь идет об особоквалифицирующем признаке (ч. 4 ст. 150 УК РФ) – «преступная группа».

Понятие «преступная группа» исследовалось многими учеными в различных аспектах²⁰. К конститутивным признакам указан-

ного понятия относятся следующие: группа лиц, нацеленность на совершение преступления (преступлений).

Группа лиц подразумевает под собой двух и более лиц, совершающих преступления. Причем если подразумевается вовлечение в преступную группу, то речь идет об организованных формах соучастия, т. е. о группе лиц по предварительному сговору, организованной группе или преступном сообществе (преступной организации). Вовлечь в совершение преступления группой лиц невозможно, так как нет предварительного сговора на совершение преступления (преступлений), и группа лиц, как представляется, в некотором смысле – импульсивное соучастие.

Таким образом, можно вести речь исключительно о трех оставшихся формах соучастия. Естественно, что возможно вовлечение одним лицом другого лица в преступную деятельность. Однако вовлечение по схеме: «один вовлекающий» – «один²¹ вовлеченный» образует соучастие лишь в последующем процессе совершения преступления, т. е. преступная группа создается путем вовлечения в нее лиц, готовых совершать преступления. Вовлечение же лица в преступную группу априори предполагает, что такая группа уже есть, т. е. в ней состоят как минимум два человека.

Признаком преступной группы является преступность ее существования. Само по себе понятие «преступная группа» подразумевает, что цель ее деятельности – совершение преступлений. В ином случае речь бы шла о незаконности существования такой группы, как сделано в ст. 208 УК РФ, где говорится о незаконном вооруженном формировании. Получается, что в данном контексте можно говорить о том, что указанная группа: а) уже совершает преступления; б) нацелена на совершение преступлений и вовлечение в нее происходит именно для преступной цели.

Таким образом, преступная группа подразумевает определенную, заранее договорив-

Вайсберг Л.М., Судакова Р.Н. Соучастие в преступлении. Алматы, 1981; Савельев Д.В. Преступная группа в сфере уголовной ответственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Екатеринбург, 2000; Урехелидзе Н.Г. Криминологическая характеристика соучастия в преступлении. Тбилиси, 1975; Егорова Н. Понятие преступная группа и групповое преступление // Законность. 1999. № 2 и др.

²¹ Может быть и более (два, три, пять) вовлекаемых лиц.

²⁰ См., например: Тельнов П.Ф. Ответственность за соучастие в преступлении. М., 1974; Галиакбаров Р.Р. Квалификация групповых преступлений. М., 1980; Джекебаев У.С.,

шуюся группу лиц, совершающую преступления. Соответственно, понятие «преступная группа» включает в себя три организованные формы соучастия. Если это лица, заранее договорившиеся о совершении преступлений и с этой целью ищущие сообщников, то речь идет о группе лиц по предварительному сговору. Если подобная группа устойчивая, то следует вести речь об организованной группе; если же сплочена и нацелена на совершение тяжких и особо тяжких преступлений, – то о преступном сообществе. Вышеизложенное дает основание считать преступную группу родовым понятием относительно указанных форм соучастия (рис. 2).

Однако вышеуказанный вывод, хотя и логичен, но, тем не менее, имеет исключительно теоретический характер, так как само понятие преступной группы ни в уголовном законодательстве, ни в актах судебного толкования не раскрыт. Причем нет оснований полагать, что в ближайшее время законодатель его раскроет. В этой связи представляется целесообразным предложить несколько вариантов решения проблемы, а именно:

а) внести изменения в нормы о соучастии, предусмотрев в ст. 35 УК РФ две формы соучастия с их последующим внутренним делением и регламентацией понятия преступной группы;

Рис. 2. Формы соучастия

Таким образом, как видно, по сути в ст. 35 УК РФ представлены две формы соучастия – это группа лиц и преступная группа, включающая в себя группу лиц по предварительному сговору, организованную группу и преступное сообщество (преступную организацию)²².

²² Соответственно, в понятие преступной группы можно включить и деяния, предусмотренные ст. 208–210 УК РФ. Это, собственно, снова вызывает вопрос о криминологической обусловленности существования ст. 208, 209 и 210 УК РФ.

б) ввести соответствующее Примечание к ст. 150 УК РФ, в котором разъяснить, что следует понимать под преступной группой;

в) внести изменения в текст этой статьи УК РФ, исключив понятие преступная группа, заменив его предусмотренными в ст. 35 УК РФ формами соучастия;

г) дать соответствующее разъяснение о том, что следует понимать под преступной группой, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ.

Конечно, данные предложения не претендуют на всеобъемлющую полноту и объективность, но, думается, они могли бы способствовать совершенствованию уголовного

законодательства и приведению в соответствие понятийного аппарата его структурных элементов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 января 1997 г. № 1 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1997. № 3.

Балеев, С. О понятии преступного сообщества (преступной организации) / С.Балеев // Уголовное право. 2007. № 3.

Водько, Н.П. Уголовно-правовая борьба с организованной преступностью / Н.П. Водько. М., 2000.

Галиакбаров, Р.Р. Борьба с групповыми преступлениями: вопросы квалификации / Р.Р. Галиакбаров. Краснодар, 2000.

Галиакбаров, Р.Р. Квалификация групповых преступлений / Р.Р. Галиакбаров. М., 1980.

Джекебеаев, У.С. Соучастие в преступлении / У.С. Джекебеаев, Л.М. Вайсберг, Р.Н. Судакова. Алматы, 1981.

Егорова, Н. Понятие преступная группа и групповое преступление / Н. Егорова // Законность. 1999. № 2.

Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В.М. Лебедев. М., 2004.

Кочетко, И.В. Уголовный закон и организованная преступность: декларация борьбы или реальное противодействие / И.В. Кочетко // Криминологические и уголовно-правовые проблемы борьбы с организованной преступностью. Ярославль, 2004.

Угрехелидзе, Н.Г. Криминологическая характеристика соучастия в преступлении / Н.Г. Угрехелидзе. Тбилиси, 1975.

Миненок, Д.М. Формы соучастия в новом Уголовном кодексе России / Д.М. Миненок // Актуальные вопросы уголовного права, процесса и криминалистики. Калининград, 1998.

Савельев, Д.В. Преступная группа в сфере уголовной ответственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. / Д.В. Савельев. Екатеринбург, 2000.

Сальникова, Н.И. Незаконное вооруженное формирование не является разновидностью преступного сообщества / Н.И. Сальникова // Рос. следователь. 2005. № 3.

Таганцев, Н.С. Русское уголовное право: лекции. Часть Общая. Т. 1. / Н.С. Таганцев. М., 1994.

Тельнов, П.Ф. Ответственность за соучастие в преступлении / П.Ф. Тельнов. М., 1974.

Уголовное право России. Части Общая и Особенная / под ред. А.И. Рарога. М., 2003.

Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть / под ред. Б.В. Здравомыслова. М., 2000.

Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть. М., 2000.